



*С.А. Ганичева*  
*Институт славяноведения РАН*

## ОПЫТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА УРОЖЕНЦА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлена попытка составить речевой портрет уроженца д. Борбушино (Кирилловский район Вологодской области), получившего профессиональное образование и большую часть жизни прожившего в городе. Сделан вывод, что в речевом поведении информанта сохраняется ряд черт, характерных для диалектной языковой личности, а также отражается влияние профессионального дискурса, литературного языка и городского просторечия. Некоторые особенности речевого поведения обусловлены гендерной принадлежностью. Теоретической базой для составления речевого портрета является трехуровневая концепция языковой личности Ю.Н. Караулова.

Диалектология, вологодские говоры, речевой портрет, языковая личность.

Современная диалектология отражает общий интерес лингвистики к носителю языка, стремление через слово постигнуть мировидение человека. Этим определяется появление большого количества исследований, посвященных описанию черт диалектной языковой личности и составлению речевых портретов носителей говоров. Ряд речевых портретов жителей разных районов Вологодской области представлен в сборниках «Народная речь Вологодского края» [5; 6; 7]. Продолжение работы в этом направлении представляется перспективным и необходимым, так как позволит создать фактическую базу для обобщающих исследований, посвященных языковой личности носителя вологодских говоров и, шире, жителя Вологодской области.

В данной статье мы обращаемся к составлению речевого портрета Николая Павловича Шаброва, уроженца д. Борбушино Кирилловского района Вологодской области. Речевой портрет Н.П. Шаброва несколько отличается от тех, которые представлены в изданиях «Народная речь Вологодского края». Во-первых, Н.П. Шабров не является «типичным» диалектоносителем. В 17 лет он покинул родную деревню, получил профессиональное образование в летном училище г. Сасово Рязанской области, затем был зачислен летчиком в 71 летный отряд, базирующийся в Вологде, в котором работал до 1985 г. Поэтому в речи Николая Павловича переплетаются как черты, характерные собственно для носителей говоров, так и особенности, обусловленные влиянием профессионального дискурса, городской культуры и т.д. Во-вторых, это мужской портрет, а в русской диалектологии, как известно, информантами чаще всего являются женщины (в отличие, например, от диалектологии англоязычных стран, см. [8]). В-третьих, основная часть данных, использованных для исследования, является нетрадиционной для диалектологии, поскольку пред-

ставляет собой письменные материалы, подготовленные самим информантом. Прежде всего, это написанные Н.П. Шабровым 72 текста разного объема и разной тематики. Кроме того, к рассмотрению привлекались подготовленные Николаем Павловичем ответы на ряд разделов вопросника «Лексического атласа русских народных говоров» («Природа», «Человек» (подраздел «Анатомические названия»), «Трудовая деятельность» (подразделы «Полеводство», «Огородничество», «Плотницкое дело»), «Материальная культура» (подразделы «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», «Домашняя утварь»). Использовался, конечно, и традиционный материал – аудиозаписи бесед с Н.П. Шабровым, а также собственные наблюдения, сделанные в процессе общения с информантом.

Теоретической базой для составления речевого портрета является трехуровневая концепция языковой личности Ю.Н. Караулова [3], в соответствии с которой в структуре языковой личности выделяются вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический уровни.

### Вербально-семантический уровень

Согласно Ю.Н. Караулову, этот уровень, являющийся «нулевым» в структуре языковой личности, представляет собой вербально-семантическую сеть, совокупность фонетических, грамматических, лексических характеристик, присущих языковой системе, существующей в сознании и репрезентируемой в речи того или иного человека.

Для всех носителей говора на этом уровне характерно наличие фонетических, грамматических, лексических диалектных черт. Анализ аудиозаписей речи Н.П. Шаброва показывает, что фонетические и грамматические диалектные особенности в ней представлены мало. Из них системно проявляется только пол-

ное оканье, наличие архаичных форм глаголов *есть* и *класть* – *ести* и *класти*, союза *дак*, постпозитивных согласуемых частиц *-от*, *-то*, *-ка*. При этом в говоре Борбушина, а также расположенных неподалеку деревень (Зыбошное, Плахино) исследователями было зафиксировано достаточно большое количество черт, характерных для вологодских и, шире, севернорусских говоров (утрата интервокального [j] в заударной позиции, долгий твердый шипящий, архаичная форма глагола *дать* – *даси* и др. [5, с. 77, 100, 119]).

Лексика говоров в речи Н.П. Шаброва представлена значительно ярче. Хотя в текстах и устных рассказах диалектные лексемы появляются только эпизодически (*Вытащили её [щужу] в комягу и парус привязали к мачте, чтобы не мешал плыть к берегу; Как ловили палаголовцев* и др.), однако материалы ответов на вопросник «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) свидетельствуют о том, что в пассивном словарном запасе находится большое количество диалектных слов (всего их зафиксировано 290). Наиболее сохранились в памяти лексемы тематических групп «Трудовая деятельность» (в материалах по этому разделу диалектные слова составляют примерно 19% от всех ответов) и «Материальная культура» (13%); ср.: в разделах «Природа» и «Человек» диалектные слова составляют примерно 9% от всех ответов.

По всей видимости, этот факт объясняется тем, что лексемы тематических групп «Трудовая деятельность» и «Материальная культура» в сознании информанта связаны с родной деревенской средой, а не с городской жизнью. Обозначения понятий, действий, признаков, ситуаций, имевших параллели в городской и профессиональной жизни, вытеснены литературными словами или профессионализмами. Показательны в этом отношении материалы раздела «Метеорология». Этот раздел проработан Н.П. Шабровым очень тщательно. Диалектные лексемы в ответах практически отсутствуют (за исключением слов *бесснежье* ‘отсутствие снега зимой’, *ведро* ‘хорошая погода’, *заливушка* ‘сильный дождь’), однако представлено много профессиональной лексики: данная область знания имеет огромное значение в практической деятельности летчика. Показательны, например, ответы на вопрос ЛСЛ 554 «Облако»: *облако, облачко, туча, цирусы, алтастратусы, кумулюсы, фрактанimbusy, нимбостратусы*. Выделенные слова представляют собой «русифицированные» варианты латинских терминов *Cirrus* (перистые облака), *Altostratus* (высококослоистые облака), *Cumulus* (кучевые облака), *Nimbostratus* (слоисто-дождевые облака) и отражают профессиональную дифференциацию видов облаков, вытеснившую в сознании информанта ту, которая существует в диалектной языковой картине мира (ср. вопросы, посвященные облакам, в ЛАРНГ: «Облако», «Небольшое облако», «Большое дождевое облако», «Туча», «Небольшая туча», «Большая дождевая туча», «Грозовая туча»).

Как видим, значительное влияние на состав лексикона Н.П. Шаброва оказал профессиональный дискурс. В текстах часто встречаются профессионализмы (термины, элементы профессионального жаргона): *Получили самолет для облета; Это значит, что мой*

*ЯК находился у критического угла атаки; Наконец, Воронеж нас принимает!* и др. Кроме влияния профессионального дискурса, можно отметить и воздействие литературного языка, проявляющееся, например, в использовании слов и словоформ, имеющих книжную окраску (*А я подумал, аналогичная история и у меня в деревне*), а также воздействие просторечия (*Купил Павел у какого-то барыги запорожец; Понаедут мазурики из города, все истопчут и загадят!*).

В числе индивидуальных особенностей построения речи можно назвать частое употребление предположений с восклицательной интонацией, являющейся показателем экспрессивности речи (см. ниже) и графически передаваемой на письме одним или несколькими восклицательными знаками (*А я думаю, бесплатный сыр только в мышеловке! Обратно экипаж, который возвращается в Петрозаводск, чего только не везет!!!*).

### Лингвокогнитивный уровень

Данный уровень представляет собой систему знаний об окружающем мире, состоящую из образов, понятий, концептов, схем, фреймов и т. д. Особенности этого уровня можно описать прежде всего исходя из тематики и содержания текстов, созданных Н.П. Шабровым.

Эти тексты можно сгруппировать в следующие основные тематические группы: тексты о деревне, в том числе воспоминания о детстве (34 текста); тексты о профессиональной деятельности, в том числе об учебе в летном училище и в авиационном институте (26 текстов); тексты о семье (9 текстов). Соответственно они эксплицируют три основных концепта, входящих в число общекультурных: ‘родина’, ‘труд’, ‘семья’.

Как родной край Н.П. Шабровым воспринимается Борбушино и расположенные вблизи него деревни Белоусово, Быково, Мыс, Плахино, Сиверово. Концепт ‘родина’ имеет явно выраженную эмоциональную составляющую. Так, тексты «Деревня Мыс», «Деревня Быково», «Деревня Сиверово» выражают горечь от того, что сейчас в этих деревнях уже практически нет постоянных жителей, только на лето приезжают дачники: *Сейчас постоянно в деревне [Белоусово] живут три человека. Старые пенсионеры и инвалид детства. Озеро зарастает*. В текстах «Студентки из Германии», «Экскурсанты из Швейцарии» отражена гордость за то, что прошлое родной деревни и речь местных жителей вызывают интерес исследователей.

Обращает на себя внимание большое количество текстов на профессиональные темы. С одной стороны, это является одной из характерных особенностей мужской речи, в которой отмечается «более сильное влияние фактора профессия», чем в женской [4] (ср. преобладание текстов на бытовые темы, рассказов о детях и семье в речевых портретах диалектоносителей – женщин [5; 6; 7]).

С другой стороны, этот факт говорит о том, что концепт ‘труд’ занимает значительное место в структуре лингвокогнитивного уровня, что свойственно для диалектной языковой картины мира. Представления о профессиональной деятельности являются одной из

составляющих ядра этого концепта. Вторая составляющая включает представления о различных работах в деревне. Во-первых, это та трудовая деятельность, которой Н.П. Шабров занимается, приезжая в деревню сейчас (огородничество, пчеловодство). Ей посвящены, в частности, практически все иллюстрации употребления слов, приведенные в ответах на вопросы раздела «Огородничество» программы ЛАРНГ: *Нынче гряды не все засажены, нет здоровья! Осенью надо все гряды перекопать, чтоб не было весной в грядках сорной травы. И убрать все корни сорняков! Поливаю огурцы каждый вечер, начали плодоносить!* Во-вторых, это виды трудовой деятельности, связанные с прошлым деревни (выпас коров, обмолот льна, пахота и др.): *Коров выпускали в определенное время под бряканье стукотальни. Это была доска, которая привешивалась на грудь пастуха, и две стукоталки (палки, как у барабана). Звук стукотальни отчетливо был слышен всей деревне* (текст «Как пасли коров»).

На периферии концепта 'труд' находятся представления о работе по дому, традиционно считающейся женской, эксплицируемые исключительно в ответах на вопросы раздела «Материальная культура» программы ЛАРНГ: *Когда сеешь муку, решето держи обеими руками за обод. Приготовь светильник и лучину! Бабы придут вечером прятать! На Пасху надо вымыть пятистенок.*

Концепт 'труд' (а именно представлениями о деревенских работах) тесно связан с концептом 'родина'. В контекстах, сопровождающих ответы на вопросник ЛАРНГ по разделам «Трудовая деятельность» и «Материальная культура», постоянно упоминаются местные реалии (*Поле на Рыжешинике. Поле у Ступ. Поле к Лешему по дорожке. Вот такие у нас обозначения*), имена жителей деревни (*Скажут: угловой дом. А вот этот угловой дом – Кирсана. Его в тридцатом году раскулачили, семью сослали в Кировск. На пепелище Воронцовых собирается строится Юрка*) и т.д.

Интересно, что с концептом 'труд' связаны и другие ключевые концепты, эксплицированные в текстах Н.П. Шаброва: 'любовь' (рассказы о том, как встречали свою судьбу коллеги по летной работе – тексты «Штурман женился», «Влюбился в синоптика»), 'судьба' (текст «Самые яркие встречи», в котором рассказывается о пятерых людях, встречи с которыми оказались для Н.П. Шаброва особенно запоминающимися; четверо из этих людей связаны с авиацией), 'семья' (сын – летчик). Таким образом, по-видимому, можно говорить о том, что концепт 'труд' в концептосфере является центральным.

Говоря о лингвокогнитивном уровне, нельзя не отметить, что он отражает прагматичность и конкретность знаний о мире, характерные для диалектной языковой картины мира [2].

Прагматическая направленность системы знаний о мире подтверждается, в частности, большим количеством контекстов, в которых предметы, явления или ситуации оцениваются с точки зрения практической пользы или возможных последствий: *Южный берег озера зыбкий. Не ходите туда удить рыбу! Потонете! А беланки ищите в кочках на болоте. Беланка – гриб третьей категории, условно-съедобный.*

Большое практическое значение для Н.П. Шаброва имели также профессиональные знания, составляющие значительный пласт лингвокогнитивного уровня: *Момент образования облака – температура точки росы. Если у земли температура точки росы выше +14°, из небольшого облачка вырастет гигантское облако, фронтальная или внутримассовая гроза.*

Отражается в высказываниях Н.П. Шаброва и конкретность знаний о мире. Например, в ряде ответов на вопросы программы ЛАРНГ Николаем Павловичем приводятся названия конкретных природных объектов вместо нарицательных лексем: *Так от Ихалицы до Вои, что течет из Костромской области, лежит болото Большая чисть. Реки: Ихалица, Воя* (ответ на вопрос ЛСЛ 414 «Большое болото»).

### Прагматический уровень

Этот уровень языковой личности составляют коммуникативные потребности, реализующиеся в целях, мотивах речевой деятельности, творческих потенциях и т.д. [3, с. 211]. Прагматический уровень языковой личности наиболее сложен для исследования. Его подробное описание требует длительного наблюдения за речевым поведением человека в разных коммуникативных ситуациях. Тем не менее имеющиеся у нас материалы позволяют сделать к речевому портрету Н.П. Шаброва несколько штрихов, соответствующих данному уровню.

Во-первых, для высказываний и текстов Николая Павловича характерны экспрессивность и оценочность – черты, традиционно включаемые исследователями в число характеристик диалектной языковой картины мира [2]. Как правило, в речи Н.П. Шаброва экспрессивность выражается не на лексическом или словообразовательном уровне, а на уровне построения высказывания или построения сюжета: *Теперь все яблоньки выросли, дают урожай, но они дикие и не очень вкусные. Молодильные яблоки из сказок! Нынче решили сделать джем из них. А что выйдет из этого? Это опять сахар и глюкоза в крови? А так сосед собирает их и отвозит на полигон, где приходят кабаны, и бьет их на мясо!* Такое выражение экспрессивности свойственно мужской речи; примечательно, что одно из немногочисленных исключений, в которых экспрессивность выражается на лексическом и словообразовательном уровнях, – воспоминание о том, что в детстве бабушка ласково называла внука *красное солнышко*, то есть цитирование женской речи.

Оценка предполагает выражение в высказывании отношения субъекта «к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [1, с. 15]. В высказываниях и в текстах Николая Павловича встречаются оценки разных типов: когнитивы (*Илистая почва – самая плодородная, хотя для растений тяжёлая*), аффективы (*А чернень-то у ножа сделан из цветного пластика!*), сублиматы (*Красивый дом выходит! В деревнях северного края делали печи основательные и надёжные*).

Во-вторых, в высказываниях Н.П. Шаброва часто наблюдается проявление ролевой позиции «Родителя» (по Э. Бёрну). Она традиционно характерна для человека старшего поколения, о чем свидетельствует и анализ текстов, записанных от других диалектоноси-

телей (см., например: [7, с. 124]). Особенно ярко эта ролевая позиция проявляется в контекстах, иллюстрирующих употребление диалектных лексем в ответах на вопросы программы ЛАРНГ. Эти иллюстрации часто представляют собой побудительные предложения, содержащие просьбу, приказ, совет: *Достань из печи латку с кабачками! Угли для самовара набери в корчаге! Не шали у печи. Получишь хватом по хребту! Долго не лежи в бане на полке: уснешь и угорешь.* Советы, наставления находим и в созданных Николаем Павловичем текстах: *Золотое правило: «Знание человеком своей группы крови спасает ему жизнь!».*

Названные черты характерны для диалектной языковой личности в целом. Помимо них можно отметить и индивидуальные особенности, что соотносится с замечанием Ю.Н. Караулова о том, что на прагматическом уровне языковой личности индивидуализация наблюдается в большей степени, чем на остальных [3, с. 53].

Так, Н.П. Шабров часто обращается к прецедентным текстам. Как правило, это фрагменты классических стихотворных произведений, а также отрывки из песен, отражающие общекультурный кругозор: *Там лес и дол видений полны...* (А.С. Пушкин); *Матушка возьмет ведро, молча принесёт воды!* (Н. Рубцов); *Прощай, хозяйские горшки!* (И.А. Крылов); *Мне привёз из-под Царицына сосед шитый шелком, кровью крашенный кисет* (А. Сурков); *Истопа мне баньку побелому! Я от белого света отвык!* (В.С. Высоцкий); *На груди моей развяжет узел, стянутый тобой!* (Я. Полонский); *Отвори потихоньку калитку и войди в тёмный сад ты, как тень...* (А. Будишев). Реже встречаются фольклорные тексты: *И скрипит перевесло: «Чтоб вас всех перенесло!»* (частушка); *Тень, тень, потеть выше города плетень. Сели звери под плетень похвалялися весь день* (детская считалка); *Топор, рукавица – жена мужа не боится. Рукавица да топор – жена мужа о забор!* (частушка).

Еще одной особенностью, присущей речевому поведению Н.П. Шаброва, является языковая рефлексия, интерес и внимание к языку: *У нас скажут: «Нагнать березового сока!» И даже не «нагнать», а «нагонить».* В текстах Николай Павлович нередко поясняет то, что, по его мнению, может оказаться непонятным для читателя: *Речка с омутами, которые местные жители называли курганами.*

Таким образом, в речевом поведении Н.П. Шаброва отражаются, с одной стороны, черты, характер-

ные для носителей говоров. Эти черты в большей степени сохраняются на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях. На вербально-семантическом уровне наиболее сохранной оказывается лексика. Кроме того, речь Н.П. Шаброва отражает влияние профессионального дискурса, литературного языка и городского просторечия. Сопоставление речевого портрета Н.П. Шаброва с речевыми портретами других носителей говоров позволяет выявить и ряд индивидуальных особенностей. Некоторые из них, по всей видимости, обусловлены гендерной принадлежностью (большое влияние профессиональной деятельности, выражение экспрессии на уровне построения высказывания и текста).

В целом, представляется, что дальнейшая работа по составлению речевых портретов уроженцев деревни, получивших профессиональное образование и живущих в городской среде и потому не являющихся «типичными» диалектоносителями, могла бы способствовать выявлению наиболее сохраненных черт диалектной языковой личности, а также изучению особенностей региональной языковой личности и региональной языковой картины мира.

#### Литература

1. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – Москва, 1998. – 240 с.
2. Демидова, К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) / К.И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 68–75.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва, 2007. – 264 с.
4. Мизюрина, Т.В. Гендерные особенности мужской и женской устной речи [Электронный ресурс] / Т.В. Мизюрина // Математика. Компьютер. Образование. – Режим доступа: <http://www.mce.su/rus/archive/abstracts/mce19/sect128330/doc150471> (дата обращения: 3.09.2016).
5. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области / С.А. Ганичева, Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова. – Вологда, 2014. – 160 с.
6. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / науч. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда, 2012. – 96 с.
7. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / Е.П. Андреева, С.А. Громько, Ю.Н. Драчева и др. – Вологда, 2015. – 256 с.
8. Chambers, J.K. Dialectology / J.K. Chambers, P. Trudgill. – Cambridge, 2004. – 201 p.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

S.A. Ganicheva

#### EXPERIENCE OF SPEECH PORTRAIT OF THE VOLOGDA REGION NATIVE

The paper presents a speech portrait of the native of Borbushino village in the Kirillovsky district of the Vologda region who gained professional education and lived in the town for most of his whole life. In the speech behavior of the informant, a certain number of the characteristics of the ‘dialectal language personality’ remain intact with the additional influence of the professional discourse, literary language and urban vernacular speech. Some features of the speech behavior are also determined by gender. The theoretical base for a speech portrait method of analysis is the three-level concept of the language identity by Yu.N. Karaulov.

Dialectology, Vologda dialects, speech portrait, language personality.